

Политика

Китай и “ближнее окружение”: региональные и двусторонние аспекты отношений

© 2010

С. Лузянин

Проанализирована проблема приоритетов во внешнеполитическом процессе Китая. Рассмотрены отдельные аспекты региональных и двусторонних отношений КНР с Японией, КНДР, РК, РФ, Монголией, Центральной Азией, АСЕАН, Индией, Пакистаном.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, приоритеты, Северо-Восточная Азия, российский Дальний Восток, АСЕАН, зоны свободной торговли, Центральная Азия, двусторонние и многосторонние отношения, Южная Азия.

Общая постановка проблемы.

Рассмотрение международных аспектов такого явления как регионализм предполагает более широкую трактовку внешней политики того или иного государства, включая его двусторонние отношения с сопредельными странами. Под регионом / субрегионом понимается территория шире, чем территория одного национального государства, в отличие от “внутреннего” регионоведения, рассматривающего регионы как составную часть национального государства. В научной литературе часто вместо термина “субрегион” используется понятие “регион”, что не является, на наш взгляд, принципиальной ошибкой. Как правило, субрегион по количеству стран значительно уступает региону, в который могут входить два и более субрегионов. На основе территориально-географических признаков в азиатской части мира сложилась определенная система регионов и субрегионов¹. Метод использования “расширительного” понимания регионализма как комплексного, интегрального явления апробирован в российской политологии и предполагает, что политика государства в отношении сопредельного или расположенного в данном/соседнем регионе прямо или косвенно отражает ведущие тенденции развития и безопасности данного региона/регионов. Из этого вытекает метод

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС.

одновременного анализа как ключевых региональных компонентов, так и двусторонних элементов межгосударственных отношений². Автор, не претендуя на монополию в теории и методологии данного вопроса, предлагает свою трактовку современной китайской (региональной) внешней политики.

Экспертно-теоретический дискурс

В научной литературе, посвященной внешней политике КНР, международным отношениям на Дальнем Востоке, проблемам места Китая в мировой и региональной политике уделяется большое внимание³. Регионализация мира — один из ведущих современных процессов, который просматривается в интеграционных проектах многостороннего сотрудничества — ЕС, АСЕАН, АСЕАН плюс один (КНР), АСЕАН плюс три (КНР — РК — Япония), Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и другие. Часть западных экспертов не исключает распад ряда глобальных институтов типа ВТО, МВФ на отдельные региональные “куски” — евразийский, европейский, панамериканский, восточноазиатский⁴.

В этих условиях возникает естественный вопрос о *специфике китайского регионализма* и особенностях политики КНР в тех или иных регионах мира. Можно ли говорить в настоящее время о формировании некоего нового качества этой политики, отражающей как общемировые, так и региональные тенденции? И каковы основные параметры этого “нового качества” китайской внешней политики?

В этой связи просматриваются, по крайней мере, три теоретических вопроса, на которые пока нет однозначных ответов.

Во-первых, каковы критерии и границы, определяющие собственно региональную и глобальную политики Китая? Очевидно, что критерии формируются, исходя из подходов КНР в отношении, прежде всего, сопредельных либо близких Китаю географически государств и регионов. В систему близких регионов и субрегионов входят: 1) *Северо-Восточная Азия (СВА)* — Япония, КНДР, РК, Монголия, сам Китай — и к которой условно можно отнести и российскую часть Сибири и Дальнего Востока; 2) *Юго-Восточная Азия (ЮВА)* — Индонезия, Филиппины, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Камбоджа, Мьянма, Лаос, Бруней; 3) *Центральная Азия (ЦА)* — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан; 4) *Южная Азия (ЮА)* — Индия, Непал, Бутан, Шри Ланка и другие. Существует еще географически близкий регион *Среднего Востока* с Ираном, Афганистаном, Пакистаном и другими государствами.

Что касается места Китая в мире и особенностей его глобальной политики, то в последнее время в китайской и российской научной литературе появились новые трактовки. В рамках дискуссии о приоритетных зонах ответственности Китая и о том, чем же является он сегодня — “важной региональной державой АТР”, “большим развивающимся государством” или “сверхдержавой”, идущей среди ведущих экспертов России и Китая⁵, просматривается тезис о некотором сближении и даже в отдельных случаях синтезе региональных и глобальных приоритетов Китая. Очевидно, что между китайским региональным и глобальным позиционированием имеется определенное противоречие, так же как оно имеется и в разночтениях “статуса” Китая (“развивающееся государство”, “развитое государство”)⁶. Однако можно предположить, что на этой противоречивой основе формируется новое качество китайской внешней политики, которое влияет как на региональные, так и глобальные проекты КНР.

Анализируя это качество, следует отметить подвижность “границы” между глобальными и региональными интересами и постоянное расширение регионального пространства. Так, Китай вместе с Россией и Индией, продвигая проект РИК, который имеет евразийский (региональный) характер, перевели его в более широкий формат — БРИК, подключив к трехстороннему сотрудничеству четвертого игрока, Бразилию — ведущую страну Латинской Америки. Сохранив “старую” региональную повестку, Китай и другие страны сформировали в рамках БРИК новую повестку, которая содержит не только региональные, но и глобальные вопросы, например, такие как реформа мировой финансовой системы, совместная защита интересов развивающихся стран, обеспечение продовольственной, энергетической безопасности, совместное противостояние климатическим изменениям и другие. Очевидно, что в этих вопросах просматривается, прежде всего, китайский глобальный интерес. Происходит расширение экономического и политического влияния Китая в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, регионах СНГ (Центральной Азии, Закавказье), Латинской Америке, Европе (ЕС). В этих условиях достаточно сложно определить “линию”, которая отделяет региональные интересы КНР от глобальных.

Во-вторых, проблема соотношения китайской региональной политики и вопросов безопасности. Не ведет ли выход Китая на обновленный статусный уровень к обострению его отношений с соседними странами по региону?

Данный вопрос достаточно актуален с теоретической и практической точек зрения. Утвердившийся в западной политологии взгляд, согласно которому выдвижение нового, сильного игрока в регионе автоматически обостряет региональную безопасность, меняя баланс сил, может создать для Китая не очень радужные перспективы. В рамках такого подхода КНР обречена на столкновение с Японией в СВА, с США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), с Индией в Южной Азии и т.д. Однако эти взгляды представляются несколько искусственными и, на наш взгляд, механически проецируют модели конфликтности на восточноазиатскую региональную почву.

В случае с Китаем, скорее всего, может сработать мягкая адаптационная модель в рамках выдвигаемой сегодня в КНР концепции создания “гармоничного мира”. В условиях трансформации Китая в “ответственную великую державу” КНР будет выгодно выстраивать варианты ненасильственного подъема нации при сохранении стабильности как в сопредельных регионах, так и на глобальном уровне. Специфика китайской внешней политики, как известно, — неразрывность внешней и внутренней политики, подчиненность первой целям национального развития. В этом смысле “конфликтная стратегия” может поставить под угрозу внутренние успехи Китая, поэтому у нее мало шансов для принятия в том или ином виде высшим китайским руководством. Китайские ученые и политики делают акцент на задачах и приоритетах исключительно экономического строительства, на соподчиненности внешней политики стратегии реализации реформ⁷.

В-третьих, приоритетность тех или иных регионов мира. Какие сопредельные регионы наиболее важны для КНР с точки зрения ее экономических, энергетических, транспортных и т.д. интересов, включая сферу безопасности, а какие нет?

Приоритетные регионы могут составить следующий условный ряд: 1) Северо-Восточная Азия (СВА), включая часть РФ (российский Дальний Восток и Сибирь); 2) Юго-Восточная Азия; 3) Центральная Азия; 4) Южная Азия (ЮА). В качестве ведущего критерия здесь выступает создание Китаем регионально-интеграционных пространств на основе зон свободной торговли⁸, а также интересы

безопасности и уровень потенциальных и реальных угроз, идущих из региона. Проект Туманган (Тумэньцзян) потенциально может еще более усилить значимость СВА для Китая, став площадкой для взаимовыгодного развития северо-восточных провинций КНР, российского Дальнего Востока, КНДР и Монголии⁹.

Китайская политика в Северо-Восточной Азии. Японское направление

Анализируя итоги последних *китайско-японских* переговоров, включая визиты в Японию Председателя КНР *Ху Цзиньтао* (май 2008 г.)¹⁰ и заместителя Председателя КНР *Си Цзиньпина* (декабрь 2009 г.), следует обратить внимание на некоторые новые аспекты китайской политики в отношении Японии.

Китайское руководство, положительно оценило косвенные сигналы нового премьер-министра *Юкио Хатоямы*, указывающие на желание японского руководства проводить политику более удаленную от США и снизить политическую зависимость от Вашингтона. Не исключено, что китайское руководство рассматривает эти новые моменты как своеобразный дополнительный шанс для дальнейшего улучшения китайско-японских отношений как в региональном, так и в глобальном аспектах. Если такая “перезагрузка” в ближайшие годы состоится, то она будет означать не только ослабление японо-американского альянса, но и переход китайско-японских отношений в новое качество. Они вполне могут стать (и отчасти уже становятся) ведущими и системообразующими (особенно в интеграционно-экономических сферах) в Северо-Восточной Азии. В этой связи, суммируя различные дискуссии и высказывания китайских специалистов по Японии¹¹, следует обратить внимание на следующие проблемы.

В 2010 г. приоритетной целью двух стран становится достижение формата “стратегических и взаимовыгодных интересов”. В данной формулировке еще делается акцент не на дружественные чувства, а на прагматичные и равноправные интересы. Очевидно, что эта формула является сегодня переходной для стратегического сотрудничества КНР и Японии, к которому пока стороны не готовы. 7 февраля 2010 г. в Пекине на первом заседании Китайско-японского комитета дружбы в XXI в. 5-го созыва председатель китайской части комитета, бывший член Госсовета КНР *Тан Цзясяоань* внес три предложения по развитию двусторонних отношений: “во-первых, серьезно возвращать стратегическое взаимодоверие; во-вторых, всемерно стимулировать вывод на более высокий виток торгово-экономических связей; в-третьих, непрерывно расширять людские обмены, всемерно улучшать чувства между народами”¹².

Китай хотел бы интенсифицировать процесс разрешения противоречий, сохраняющихся между странами. Проблема демаркации границы в Восточно-Китайском море и территориальный спор вокруг островов *Дяоюйдао*, по мнению китайских экспертов, должны быть решены в одном блоке и в ближайшее время. Возможно, что в случае положительного разрешения территориальных вопросов, КНР будет готова на ряд небольших уступок по другим вопросам — поддержки Японии в структурах ООН¹³, предоставления экономических преференций и пр. Конфликты же, связанные с историей китайско-японских отношений, также могут быть разрешены или сглажены в процессе культурно-гуманитарного сотрудничества¹⁴.

9 января 2010 г. в Токио состоялся 9-й раунд японо-китайского стратегического диалога, который не устранил существующие разногласия двух стран в

отношении разработки месторождений газа в спорных зонах в Восточно-Китайском море. Стороны подтвердили обоюдную готовность “тесно сотрудничать в сфере экономики в период глобального финансового кризиса”. Достигнута договоренность об “углублении взаимодействия в области продовольственной безопасности”¹⁵.

КНР предлагает Японии усилить экономическую интеграцию в Восточной Азии, создавая *Восточно-азиатское сообщество*. В условиях мирового кризиса эта идея особенно актуальна для обеих сторон. Причем и Пекин, и Токио согласны с тем, что в обоюдных интересах плавно уменьшать свою зависимость от рынков США. Стороны готовы объединить свои усилия для заключения соглашения о свободной торговле и экономическом партнерстве для координации формирования пространства свободной торговли Восточно-азиатского сообщества. Объем двусторонней торговли в 2007 г. составил 236 млрд долл., в 2008 — 266,8, в 2009 г. — 228,8 млрд долл. Объем японских инвестиций в Китай на конец 2008 г. составил 64,6 млрд долл.¹⁶

В вопросах региональной безопасности китайские представители пытаются убедить японских политиков в том, что усиление комплексной мощи КНР — объективный процесс, который является для Японии не угрозой, а скорее может способствовать ее развитию. Тем не менее, формат отношений двух стран, касающийся традиционной и нетрадиционной сфер безопасности, сохраняется в рамках формулы “не друзья и не противники”. КНР, как известно, поддерживает идею создания коллективных структур и механизмов региональной безопасности в СВА с участием Японии, Южной Кореи, РФ и США, например, на основе шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР. Вместе с тем, в Китае понимают, что их создание не может происходить без учета американского фактора и сохраняющегося японо-американского военно-политического альянса. Поэтому в Пекине не исключают возможности формирования в будущем стратегического диалога “КНР — США — Япония”.

Китайско — корейские аспекты двусторонних и региональных отношений

Специфика *китайско-южнокорейских отношений* на 2010 и последующие годы связана с тем, что кроме собственно двустороннего формата (торговля, инвестиции, культурные обмены), они находятся под возрастающим влиянием сразу нескольких разнородных внешних факторов.

Во-первых, это — северокорейская проблема и процесс шестистороннего урегулирования на Корейском полуострове, который в 2009 г. зашел в очередной тупик. Причем китайская сторона в своих контактах с представителями РК всегда подчеркивает “гибкость и конструктивность позиции КНДР” по вопросам возобновления шестисторонних переговоров, выступая политическим адвокатом Пхеньяна¹⁷. Южнокорейское руководство, адекватно оценивая формальные и неформальные возможности Китая в плане его воздействия на КНДР, как правило, соглашается с подобной ролью.

Во-вторых, это реалии и перспективы развития трехстороннего интеграционного проекта КНР — РК — Япония, создания китайско-японо-южнокорейской зоны свободной торговли. Отметим, что в рамках треугольника “КНР — Япония — Южная Корея” 10 октября 2009 г. в Пекине состоялась вторая встреча руководителей этих государств, были приняты “Совместная декларация 10-й годовщины сотрудничества Китая, Японии и РК” и “Совместная декларация Китая, Японии и Южной Кореи по устойчивому развитию”, а также достигнуто сог-

лашение по 10 инициативам в области сотрудничества, подведены итоги трехстороннего сотрудничества за последние десять лет¹⁸. Очевидно, что данный проект со временем может стать серьезным конкурентом ЗСТ КНР — АСЕАН, учитывая экономические и технологические ресурсы и возможности сторон.

В-третьих, это американское влияние на Южную Корею. США остаются ключевым военно-стратегическим союзником РК. Это обстоятельство является неким политическим ограничителем для углубления китайско-южнокорейского сотрудничества. Задача Сеула в этих условиях — мягко и безболезненно адаптировать американский фактор к новому, более масштабному китайско-южнокорейскому формату сотрудничества. Насколько это удастся — покажет время.

Китайско-северокорейские отношения, с одной стороны, развиваются в рамках, сохранившихся (де-юре и де-факто) союзнических отношений, чрезвычайно важных для КНДР со всех точек зрения. С другой стороны, невосприимчивость северокорейского руководства к китайским попыткам вовлечения Северной Кореи в процессы реформирования экономики на принципах открытости, использования рыночных механизмов и китайского опыта, усиливающийся социально-экономический кризис и стагнация народного хозяйства КНДР заставляют КНР более сдержанно подходить к вопросам безоговорочной поддержки Северной Кореи. Пекин систематически воздействует на Пхеньян в рамках двусторонних (закрытых) межпартийных и межправительственных контактов, побуждая Северную Корею к разумной гибкости.

Одновременно Китай продолжает рассматривать КНДР как ключевое звено своей безопасности в Северо-Восточной Азии с сохранением Северной Кореи в качестве самостоятельного государства. Причем данная позиция вряд ли изменится, даже если КНДР обретет “полноценный ядерный статус”. Проблема для Пекина будет заключаться лишь в сохранении своего влияния на Пхеньян¹⁹.

Сибирско-дальневосточный аспект российско-китайских отношений

Российско-китайское стратегическое партнерство, несмотря на относительно невысокий по сравнению с другими крупными партнерами Китая (США, Японией, ЕС), уровень торгово-экономических связей, чрезвычайно важно для КНР. Развитие стратегического диалога с РФ для Китая означает, что он имеет в лице России, постоянного члена СБ ООН и других крупных организаций, надежного партнера, который обеспечивает стабильность и “северный тыл” на границе в 4,3 тыс. км. РФ — важный источник энергоносителей (нефть и газ) для Поднебесной. И хотя сегодня доля российской нефти в китайском импорте пока невысока — 5-е место после стран Персидского залива, Африки и Латинской Америки, потенциально, с учетом вступившего в строй в декабре 2009 г. нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) и других проектов, энергетическое значение России для Китая будет повышаться. Российские Сибирь и Дальний Восток — привлекательные районы для китайских инвестиций и трудовой миграции, что может способствовать развитию этих территорий. Для Пекина, исходя из территориальной близости, достаточно выгодно одновременно развивать собственные провинции северо-востока и содействовать развитию соседних российских регионов.

В российской экспертно-аналитической литературе проблема приграничных связей России и Китая разработана достаточно подробно и глубоко, причем как учеными из Москвы, так и сибирско-дальневосточными исследователями²⁰.

Вес и значение региональных связей в общем российско-китайском партнерстве в течение 1991–2009 гг. менялись как в экономическом, так и политическом плане.

В конце 1990-х гг. в России на экспертном и политическом уровнях была сформулирована идея о необходимости в условиях растущей глобализации комплексной экономической интеграции РФ через Сибирь и российский Дальний Восток в АТР. На первых Байкальских экономических форумах (БЭФ — 2000, 2001), проходивших в Иркутске, эта идея получила дополнительное развитие²¹. Другой момент, связанный с проблемой экономического возрождения Сибири и Дальнего Востока, — качественный и количественный рост федеральной целевой помощи и инвестиций на развитие сибирских и дальневосточных регионов за счет дополнительных внутренних средств, появившихся в стране за последние годы. С поправкой на борьбу с кризисом в 2010 г. правительство приступило к комплексной реализации программы развития Сибири и Дальнего Востока, а также к подготовке планируемого в 2012 г. саммита АТЭС под Владивостоком. Объем целевых федеральных средств был значительно увеличен. Большая часть денег выделена на создание инфраструктуры и развитие промышленных производств в Приморье, других дальневосточных и сибирских субъектах.

Основными факторами, определяющими позицию Китая в отношении развития торгово-экономического сотрудничества с Россией, на начало 2010 г. остаются, во-первых, заинтересованность в получении доступа к источникам сырья, в первую очередь, нефти и газа, а также руд черных и цветных металлов, биоресурсов моря, древесины и иных ресурсов; во-вторых, стремление обеспечить присутствие китайских товаров в значимых сегментах российского рынка (продукция легкой, текстильной, пищевой промышленности, бытовая электротехника, а также отдельные виды машин и оборудования); в-третьих, создание с Россией трансграничных зон свободной торговли по уже апробированным моделям с другими соседями.

Развитие китайско-монгольских и российско-монгольских экономических связей мотивируется поступающей в КНР и РФ информацией о новых стратегических месторождениях медного концентрата, угля, серебра, золота, урана *Таван — Толгой, Оую — Толгой* и других. С другой стороны, конкуренция между российскими, китайскими, канадскими, американскими и японскими компаниями за право добычи и переработки природного сырья на монгольском рынке с каждым годом возрастает. Каким компаниям монгольское руководство отдаст предпочтение — пока открытый вопрос. Со своей стороны Россия (АОО РЖД) предлагает монгольскому правительству построить железнодорожный участок от УБЖД до новых монгольских месторождений.

Одновременно Китай совместно с Россией и Монголией начал создание трансграничной экономической зоны на базе формально существующей российско-монгольской зоны свободной торговли (“Алтанбулаг”). Первым шагом в реализации данного проекта стало подписание 14 января 2010 г. трехстороннего соглашения между руководством Торгово-промышленной палаты (ТПП) Восточной Сибири, мэром города г. Эрлянь (КНР) и гендиректором ООО “Идеал групп” (Монголия) о продвижении продукции восточно-сибирского региона на рынки Монголии и Китая²².

Политическим ограничителем монгольской политики КНР остается официальный курс Монголии на сохранение сразу трех приоритетов во внешней политике — РФ, КНР и “третьего соседа” (США, Япония, Южная Корея, ЕС, АСЕАН). Монголия при поддержке США активно интегрируется в региональные проекты по безо-

пасности и сотрудничеству в АТР. Одновременно Пекин, учитывая приграничное положение Монголии и ее связи с центрально-азиатским регионом, не возражает против вступления Улан-Батора в ШОС в качестве постоянного члена.

Юго-Восточная Азия. КНР — АСЕАН

1 января 2010 г. состоялось открытие зоны свободной торговли “Китай — АСЕАН”, для создания которой потребовалось 8 лет. Она охватывает 11 стран, где проживают 1,9 млрд населения, общий ВВП равен 6 трлн долл. США. Это третья по экономической мощи зона свободной торговли в мире после ЕС и зоны свободной торговли Северной Америки. После заключения “Всестороннего рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве” между Китаем и АСЕАН наблюдается бурное развитие этого сотрудничества. В 2008 г. торговля между КНР и АСЕАН оценивалась в 231,1 млрд долл., сумма взаимных инвестиций за этот же период — около 60 млрд долл. После открытия ЗСТ среднестатистическая таможенная пошлина между Китаем и странами АСЕАН снизилась с 9,8% до 0,1%²³. В рамках проекта успешно развивается субрегиональный проект сотрудничества в бассейне реки Меконг — КНР, Лаос, Камбоджа, Таиланд, Мьянма, Вьетнам.

По заявлениям китайских экспертов, в рамках зоны свободной торговли более 7000 видов товаров будут освобождены от таможенных пошлин, что составляет примерно 90% от общего количества товаров в торговле между Китаем и АСЕАН. Кроме того, данный проект предполагает расширение сотрудничества Китая со странами АСЕАН в сфере услуг и инвестиционных соглашений.

КНР в отношении государств АСЕАН проводит тонкую и взвешенную политику, проявляя большой такт в вопросах внутреннего устройства некоторых недемократических стран ЮВА. Китайское правительство в период азиатского 1997–1998 гг. и нынешнего мирового кризисов не девальвировало юань и не развернуло товарную экспансию в данном регионе. Наоборот, оно предложило льготную финансовую помощь этим странам, что значительно подняло авторитет Китая в их глазах на фоне грабительских “антикризисных” кредитов МВФ и других западных институтов государствам Юго-Восточной Азии. Китай подписал также ряд ключевых региональных документов, связанных с безопасностью и сотрудничеством в Восточной Азии. Речь идет о подписании КНР и АСЕАН в 2002 — 2003 гг. “Декларации о правилах поведения в Южно-Китайском море”, “Совместной декларации о сотрудничестве в сфере нетрадиционной безопасности”, “Рамочного соглашения о комплексном экономическом сотрудничестве”, “Меморандума о взаимопонимании в вопросах сельского хозяйства”, “Совместной декларации о стратегическом партнерстве ради мира и процветания”²⁴.

Южно-азиатские приоритеты КНР. Индийская политика Китая

В китайско-индийских отношениях просматривается сразу несколько компонентов и тенденций. Во-первых, присутствует “классический” набор межгосударственных связей (экономических, политических и культурных), характерный для любой двусторонней модели отношений. Во-вторых, усиливаются элементы, связанные с региональным влиянием КНР и Индии соответственно в СВА и Южной Азии. Являясь неформальными лидерами “своих” регионов, они вольно или невольно вносят в двусторонние отношения элементы межрегионального сотрудничества и одновременно соперничества. Не исключено, что отвергнутая КНР американская идея G-2 о разделении глобальной ответственности в ми-

ре может со временем трансформироваться в некий китайско-индийский межрегиональный вариант G-2, по крайней мере, в рамках взаимодействия двух азиатских гигантов в Южной и Восточной Азии, как в сфере безопасности, так и других областях. Это будет означать, с одной стороны, что стремление к сотрудничеству КНР и Индии выше, чем к соперничеству, а с другой, что она (тенденция сотрудничества) выходит за рамки двусторонних отношений и приобретает межрегиональный характер.

Объективно Индию и КНР сближает их позиция по проблеме ядерного оружия. Минимально ориентируясь на стратегию ядерного сдерживания, оба государства рассматривают его не столько как средство ведения войны, сколько в качестве вынужденного политического атрибута, необходимого для усиления своих региональных и глобальных позиций²⁵.

На отношения двух стран также влияют третьи страны из географически близких регионов. В случае с Пакистаном двусторонние китайско-индийские отношения приобретают менее доверительный характер, возрастает потенциал их конфликтности. В случае же с Россией, наоборот, отношения стабилизируются как на двустороннем (КНР — Индия), так и региональном уровне в ЮА и СВА. Более того, формирование известного “треугольника” РИК позволило, кроме решения задач в сфере экономического и политического сотрудничества, сблизить Пекин и Дели в рамках развития и углубления трехстороннего диалога²⁶. Другими словами, проект РИК позволяет трем странам совмещать двусторонние и многосторонние повестки межрегионального сотрудничества.

Промежуточный итог *индийской политики* КНР — выход на уровень стратегического партнерства. В основе этого лежит взаимный экономический интерес, прежде всего, торговля, составившая в 2008 г. 51,8 млрд долл., в 2009 г. она снизилась до 44,4 млрд²⁷. На 2010 г. стороны планируют увеличить ее до 60 млрд долл.²⁸ 13–15 января 2008 г. состоялся визит премьер-министра Индии *Манмохана Сингха* в Китай, подтвердивший новое качество политических и экономических отношений.

В то же время обе стороны теоретически не исключают возможность реанимации китайско-индийских противоречий. Так, в 2009 г. китайский МИД выразил недовольство по поводу посещения премьер-министром Индии *М.Сингхом* в ходе избирательной кампании северо-восточного индийского штата *Аруначал-Прадеш*, который Китай рассматривает в качестве своей территории. Индия ответила протестом на предложение Китая оказать помощь для осуществления проекта по гидроэлектроэнергетике в контролируемой Пакистаном части Кашмира, которую она рассматривает в качестве своей территории²⁹.

В Пекине не остались незамеченными шаги Индии по сближению с США, Японией, Австралией, имевшие место после заключения Индией в октябре 2008 г. соглашения с Вашингтоном по сотрудничеству в ядерной области. Негативную реакцию Китая вызывает усиление Индией военного строительства в районе спорных территорий.

По мнению индийских политологов, новая генерация лидеров КНР “пятого поколения” будет меньше обременена памятью о конфликте 1962 г., придавая больше значения трансграничной торговле и формированию новой модели внешнеэкономических связей с возможным участием сопредельных или географически близких стран. Подобный подход, как полагают аналитики в Дели и Пекине, поможет в будущем снять напряжение в китайско-индийских отношениях, способное оформиться вследствие активного наращивания обеими странами вли-

яния в важных для другой стороны государствах (Индия — с Японией, Южной Кореей, странами АСЕАН, Китай — со странами СААРК)³⁰.

Пакистанский вектор является для Пекина одним из приоритетных в регионах Южной Азии и Среднего Востока. В Исламабаде отношения с Пекином также рассматривают в качестве ведущих, относя Китай к числу ближайших союзников и партнеров. В апреле 2005 г. между двумя странами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедских отношениях, который зафиксировал важнейшие направления стратегического партнерства двух государств. В документе содержится положение о том, что подписавшие его стороны не могут вступать в союзы или иные объединения, заключать соглашения с третьими странами и предоставлять им свою территорию, если это создает угрозу для одной из сторон.

Сложилась система двусторонней поддержки при продвижении друг друга в региональные организации. Так, в 2005 г. Китай получил статус наблюдателя в организации СААРК, а Пакистан — в ШОС. В Исламабаде предпринимаются попытки подключить Пекин к более активному участию в делах Южной Азии, что могло бы привести к некоторому уменьшению индийского влияния на субконтиненте, а также создать возможности для установления более тесных связей с центрально-азиатскими странами. Исламабадская администрация нацелена на прием Китая в СААРК, претендуя на получение полноправного членства в ШОС³¹.

Проходят регулярные китайско-пакистанские консультации по вопросам обороны и безопасности. Военно-воздушные силы страны почти полностью оснащены китайской техникой. Завершена совместная разработка легкого многоцелевого истребителя третьего поколения JF-17 “Гром” (“Супер-7”). Сухопутные войска Пакистана также имеют на вооружении китайскую технику (более 70% танков Т-59, Т-69, Т-85 и 60% артиллерийских орудий). Продолжается реализация контракта стоимостью 320 млн долл. на производство с китайской помощью танка “Аль-Халид”³².

В ходе визита президента Пакистана *Асифа Али Зардари* в 2009 г. в Китай были подписаны соглашения с КНР о помощи в строительстве двух пакистанских АЭС. Учитывая отказ Соединенных Штатов предложить Пакистану сделку в ядерной сфере, аналогичную той, которую они заключили с Индией, данный шаг КНР значительно усилил ее авторитет и влияние в регионе.

Китайско-пакистанское сотрудничество охватывает химическую промышленность, инжиниринг, поставки железнодорожного подвижного состава, строительство объектов инфраструктуры, автомобильных дорог, портов, мостов, жилых домов и т.д. Один из ключевых объектов китайских инвестиций — порт *Гвадар*, в строительство которого Китай на первом этапе инвестировал 2 млрд долл. (до 2006 г.), а на втором — 600 млн долл., обеспечивших сооружение 9 морских причалов³³. Сформированы планы по сооружению так называемой энергетической зоны в *Гвадаре*, состоящей из нефтяных хранилищ и перерабатывающего завода производительностью 21 млн тонн. Очевидно, что реализация данного проекта укрепит долговременное стратегическое присутствие КНР в этом регионе.

Порт *Гвадар*, как известно, первый и пока единственный порт в пакистанской провинции Белуджистан. Его географическое положение уникально, что и делает его привлекательным как для Китая, Афганистана, так и для стран Центральной Азии и Ближнего и Среднего Востока. Расположен он в непосредственной близости от входа в Персидский залив на побережье Индийского океан. Строительство порта предусматривает значительное углубление дна, проведение работ по углублению и расширению судоходного канала, глубина которого, по проекту, будет составлять 12,5 м, а ширина — 4,5 км. Новейшая инфраструктура

порта позволит принимать нефтеналивные танкеры водоизмещением свыше 100 тыс. т сырой нефти и многотоннажные торговые суда. Это поставит его вне конкуренции по сравнению с соседними портами (пакистанскими и иранскими) и обеспечит таким образом в будущем преимущество как торгового порта на пути из Азии в Европу³⁴.

Объем торговли КНР и Пакистана в 2008 г. — 4,5 млрд долл., в 2009 — 4,9 млрд. Соглашение о создании зоны свободной торговли планируется подписать между двумя странами в 2010 г. По некоторым экспертным оценкам, ЗСТ может способствовать увеличению товарооборота к концу 2011 г. до 8–9 млрд долл. В 2006 г. сторонам удалось подписать так называемую программу “раннего урожая”, в соответствии с которой к 2008 г. таможенные тарифы на более чем тысячу единиц экспортных товаров должны быть постепенно сведены к нулю³⁵.

В условиях развития китайско-пакистанских отношений Индия заинтересована в минимизации и купировании влияния китайско-пакистанского фактора в Южной Азии и на Среднем Востоке. Однако вряд ли Исламабад и Пекин пойдут на сокращение своего диалога. Наоборот, стоит ожидать наращивания многоплановых отношений между двумя странами, включая “чувствительные” сферы.

КНР — Центральная Азия

Общий объем осваиваемых *китайских инвестиций* в странах Центральной Азии, по разным данным, составлял на 2005 г. от 500 млн долл. до 7 млрд долл.³⁶ В 2007 г. он достиг 9 млрд долл. По текущим оценкам на 2010 г. — около 15 млрд долл. Освоение китайских инвестиций любого назначения стимулирует товарооборот между КНР и государствами ЦА, а также улучшает некоторые макроэкономические показатели стран региона. Сотрудничество в торговле энергоресурсами с таким стабильным “оптовиком” — импортером, как Китай, способствует устойчивости коммерческих связей государств ЦА на трансрегиональном уровне, а также росту их добывающего комплекса. Однако фокусировка на сырьевой сфере отвлекает ресурсы от обрабатывающего кластера ЦАР, без которого формирование в регионе сбалансированной экономической структуры крайне проблематично.

Китай сегодня является главным поборником экономической интеграции в ЦА через ШОС в плане создания зоны свободной торговли (ЗСТ).

В 2004 г. на саммите ШОС в Бишкеке премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао официально выдвинул в качестве задачи ШОС создание зоны свободной торговли. Его предложение было с настороженностью встречено большинством членов Организации (за исключением Казахстана), поскольку в результате конкуренции с китайскими фирмами уже сейчас с рынка товаров и услуг ЦА вытесняются товары национального производства. Для центрально-азиатских членов ШОС (и России) создание ЗСТ ШОС чревато закреплением сырьевой направленности их экспорта в Китай, тогда как импорт из КНР представлен в основном продукцией с высокой степенью переработки. В ШОС сложилось понимание некоей преждевременности идеи ЗСТ ввиду большой разницы в уровнях экономического развития шести стран³⁷. В итоговом коммюнике отмечено, что государства ШОС сосредоточат основные усилия на постепенном обеспечении условий для: а) ведения торговли и осуществления инвестиций, б) технико-экономического сотрудничества, в) свободного движения товаров, капиталов, услуг и технологий. В Пекине сочли несомненным успехом одобрение всеми странами ШОС этого курса “трех шагов” (сань бу цзоу)³⁸.

В понимании китайских экспертов, ускорение процесса создания ЗСТ ШОС — это путь преодоления малой эффективности экономических проектов, являющейся “слабым звеном ШОС”³⁹.

Казахстан остается главным приоритетом для Китая в ЦА в плане развития двустороннего сотрудничества. На РК приходится порядка 80% товарооборота между Китаем и всеми центральноазиатскими странами-членами ШОС. Основные позиции экспорта Казахстана в Китай — это сырьевые ресурсы: энергоносители (нефть, газ) — 63%, черные и цветные металлы (в большой мере в форме металлолома), сталь — 24%. Взамен Казахстан получает продукцию машиностроения и металлообработки (72%), продовольствие (11%), а также товары широкого потребления, значительную часть которых вполне можно было бы производить в самой РК. Увеличение идет в том числе и за счет открывшейся в 2006 г. на китайско-казахстанской границе трансграничной зоны свободной торговли. В 2008 г. взаимная торговля превысила 14 млрд долл. Объем инвестиций Китая в РК, по китайским официальным данным, составил в 2006 г. 1,3 млрд долл.⁴⁰

Китайско-туркменские энергетические отношения во многом определяются открывшимся в декабре 2009 г. новым газопроводом Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай при дальнейшем углублении сотрудничества. Кончина *Сапармурада Ниязова* в декабре 2006 г. и избрание в феврале 2007 г. нового руководителя Туркменистана *Гурбангулы Бердымухамедова* внесли некоторые новые акценты в китайско-туркменские отношения. Пекин был встревожен возможностью политической дестабилизации в Ашхабаде и отхода нового руководителя от традиционного нейтралитета в сторону большего сближения с Западом, что могло бы отрицательно сказаться на сложившихся стабильных отношениях двух стран.

Смена руководства заставила Пекин интенсифицировать подготовку газовых проектов по планируемому импорту туркменского газа. Практическая реализация проекта газопровода началась в августе 2007 г.

Взаимная торговля КНР и Туркменистана за период 1997–2008 гг. увеличилась почти в 19 раз — с 19 млн долл. до 453 млн долл. Основные статьи туркменского экспорта в КНР — это энергоносители и продукция нефтехимической промышленности (порядка 85%), хлопковое волокно и иное текстильное сырье, лакричный корень, продукция текстильной и легкой промышленности. Китай поставляет в РТ продукцию производственно-технического назначения и стройматериалы (порядка 60% туркменского импорта), потребительские товары (более 30%). В Туркменистане реализуются 37 инвестиционных проектов с участием китайских компаний. Пока общий объем инвестиций составляет 382,6 млн долл. и 360 млн юаней. Эти проекты в основном сосредоточены в сырьевой (нефтегазовой) отрасли (более половины всех проектов), транспортной сфере, телекоммуникационной отрасли, в легкой промышленности и сельском хозяйстве. На территории страны зарегистрировано 13 предприятий с участием китайского капитала, которые поставляют оборудование и оказывают услуги в нефтегазовом секторе, в сфере транспорта, здравоохранении, оптово-розничной торговле и туризме. За последние 5 лет объем услуг китайских нефтегазовых компаний и поставок их оборудования составил 293 млн долл.⁴¹

Непростым испытанием для *китайско-кыргызских отношений* стали так называемая “тюльпановая революция” 24–25 марта 2005 г. в Кыргызстане и свержение президента К. Бакиева 7–8 апреля 2010 г. Китайские эксперты, анализируя ситуацию, высказывали ряд опасений, связанных с китайско-кыргызскими отношениями, в том числе активизации трансграничного уйгурского сепара-

тизма, возможности изменения новым руководством КР отношения к участию в ШОС. В течение 2005–2008 гг. Китай значительно усилил свое торговое присутствие в Кыргызстане. Объем китайско-кыргызской торговли вырос с 97 млн долл. (2005 г.) до 3,7 млрд долл. (2007 г.)⁴². В настоящее время на Китай приходится почти 90% всего внешнего товарооборота Кыргызстана. Рост объемов китайско-кыргызской торговли отчасти объясняется реализацией Бишкеком в 2005–2006 гг. китайских (льготных) торговых кредитов. Пекин, стремясь наладить отношения с новым руководством Кыргызстана, увеличил кредитование кыргызского импорта. Создание же трансграничной зоны свободной торговли между КНР и Кыргызстана еще более убыстрило процесс. Стоимость импорта КР из Китая в 32,3 раза превышает стоимость ее экспорта. Поскольку КНР и КР — члены ВТО, то доступ китайских товаров на рынки Кыргызстана проще, чем для других стран ЦА. Экспорт в Китай включает текстильное сырье (преимущественно кожи и шерсть — около четверти), отходы переработки черных и цветных металлов (порядка 60%). Ассортимент кыргызского импорта состоит из машин и оборудования (около 6%), продовольственных товаров и иных наименований ширпотреба (примерно 85%)⁴³.

Приоритеты *узбекского направления* политики КНР связаны со сферой как экономики (энергетический сектор Узбекистана), так и безопасности. Китайско-узбекские отношения после 2005 г. развивались на фоне трагических событий в Андижане. Россия и КНР поддержали действия узбекских властей по подавлению бунта в Андижане, организованного исламским радикальным движением “Акрамия”. Позицию Китая в поддержку И. Каримова эксперты связывали с желанием Пекина ограничить политическое влияние США в Узбекистане, а также с необходимостью оптимизации борьбы с исламским экстремизмом. После вывода американской базы из Ханабада отношения Ташкента и Пекина получили дополнительный импульс. Радикальный шаг президента И. Каримова прямым образом сказался на дальнейшем росте политического доверия и углубления стратегического сотрудничества Пекина и Ташкента на двустороннем уровне. Принципиально важным в связи с этим был официальный визит 21–24 мая 2005 г. президента Узбекистана в Китай. Итогом переговоров стало подписание договора о китайских инвестициях в разработку узбекских нефтяных месторождений, расширении торговли, китайских инвестиций, активизации совместной борьбы против терроризма, экстремизма и сепаратизма как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС.

Китай имеет серьезные экономические интересы в Узбекистане, связанные с нехваткой энергетических источников и продуктов питания для растущего населения. Деятельность Поднебесной в 1990-е г. ассоциировалась с поставками дешевого и некачественного ширпотреба на местные вещевые базары. Крупный бизнес РУ был ориентирован в основном на Запад. Однако в 2005 г. ситуация в этом плане стала быстро меняться: акценты и общая риторика в узбекских СМИ относительно Китая приобрели ярко выраженный позитивный характер, что признают и ведущие американские эксперты по региону⁴⁴.

Торговля Китая с Узбекистаном за 2006 г. достигла 972 млн долл.⁴⁵, что значительно ниже казахстанских и кыргызских показателей, а в 2007 г. она превысила 1 млрд долл. Имеется проект строительства газопровода из Узбекистана в Китай. Для этого компания “Узбекнефтегаз” проводит реконструкцию газопровода Мубарек — Янгиер — Андижан — Ош. Далее, с участием казахских и китайских компаний строится газопровод Ош — Кашгар. Мощность газопровода должна составить не менее 20 млрд куб. м в год⁴⁶.

Китай — Таджикистан. В годы гражданской войны в Таджикистане (1993–1997 гг.) Китай, придерживаясь принципов мирного сосуществования и невмешательства во внутренние дела, не встал ни на чью сторону, ограничившись лишь оказанием республике гуманитарной и технической помощи. Товарооборот двух стран в 2005 г. составил 157 млн долл., в 2006 г. — 323 млн долл., в 2007 — 482 млн долл.⁴⁷ Основные статьи экспорта Таджикистана в Китай — это сырье: алюминий, другие цветные и редкоземельные металлы, хлопковое волокно, а импорта из Китая — несложная продукция машиностроения, предметы широкого потребления. В рамках ШОС Таджикистан получил от Китая льготный кредит в 600 млн долл., который используется в основном на строительство ЛЭП-500 “Юг-Север” и ЛЭП-220 в Хатлонской области, а также на строительство тоннеля под перевалом Шар-Шар на дороге Душанбе-Куляб. Китай вносит существенный вклад и в поддержку таджикской легкой промышленности — хлопчатобумажного и шелкового производств⁴⁸.

Резюме

1) Внешняя политика КНР в “ближнем окружении” формируется как под воздействием традиционных факторов и условий китайского позиционирования в мире как крупного развивающегося государства, так и новых тенденций, связанных с ростом ее экономического и геополитического влияния в рамках китайской идеи “глобальной ответственности”. Китай через региональные механизмы сотрудничества (АТЭС, АСЕАН +1, ШОС, ЗСТ), а также двусторонние форматы, расширяя “пояс добрососедства”, последовательно и настойчиво реализует свои экономические и политические интересы.

2) Динамика роста влияния КНР в сопредельных регионах во многом зависит от приоритетности и значимости их для Пекина. Регионы СВА и ЮВА остаются наиболее значимыми из “ближнего окружения”. Интеграционные, энергетические, торгово-экономические потребности, а также мотивация в сфере безопасности определяют, в конечном счете, масштаб и логику реализации китайской внешней политики в данных регионах.

3) Двусторонние отношения Китая с такими странами, как Япония, Южная Корея, РФ, КНДР, Индия, Пакистан и другими содержат элементы региональных процессов. По мере усиления КНР в том или ином регионе, роль и влияние этих компонентов в двусторонних повестках Китая будет только возрастать.

-
1. В ряде работ, вышедших в России, дается следующая структура региональных систем и подсистем, расположенных в азиатской части СНГ и Восточной Азии: 1) Центрально-азиатский субрегион (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан); 2) Южно-кавказский субрегион (Армения, Грузия, Азербайджан); 3) Регион “Восточная Азия”, состоящий из двух субрегионов — 1) Северо-Восточной Азии (КНР, КНДР, РК, Япония, Монголия) и 2) Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Таиланд, Сингапур, Филиппины, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма, Бруней, Восточный Тимор). — См., например: Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002.
 2. Белокреницкий В.Я. Восток в системе международных отношений и мировой политике. М., 2009; Воскресенский А.Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и миро-

- вая политика, 2004. С. 494—500; Восток/ Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002.
3. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Титаренко М.Л., Кузык Б.Т.* Россия — Китай: 2050. Стратегия соразвития. М., 2007; *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в XXI веке. М., 2006; Китай в мировой и региональной политике, История и современность. М., 2009. Вып. 14; Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2008. Вып. 13.
 4. *Beesson M.* Regionalism and Globalisation in East Asia. London, 2007; *Hettne B.* Globalisation and the New Regionalism: the Second Great Transformation. Globalism and the New Regionalism. London, 1999.
 5. См.: *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 8—9; *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009; *Он же.* Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. №№ 1; *Е Цзычэнь.* Чжунго да чжаньлюэ: Чжунго чэнвэй шицзе дагодэ чжуюо вэньти цзи чжаньлюэ сюаньцзэ [Большая стратегия Китая: главный вопрос и стратегический выбор превращения Китая в великую мировую державу]. Пекин, 2003; *Ван Ичжоу.* Мянсянь эрши и шицзе ди чжунго вайцзяо: сань чжун сюйцю ди сюньцю цзи ци пинхэн [Дипломатия Китая в перспективе XXI века: поиск решения трех задач и их равновесие] // Чжаньлюэ юй гуаньли [Стратегия и управление]. 1999. № 6; *Мэнь Хунхуа.* Гоуцзянь Чжунгодэ да чжаньлюэ дэ куанцзя [Формирование контуров большой стратегии Китая]. Пекин, 2005; *Пэн Пэн.* Хэпин цзюэци лунь — Чжунго чунсу даго чжилу [Концепция мирного возвышения Китая — путь к восстановлению Китая как великой державы]. Гуанчжоу, 2005.
 6. По мнению ученых, список “новых” противоречий, сдерживающих внешнеполитическое поведение КНР, на сегодняшний день значительно больше. В него как минимум можно еще включить: а) стремление представить себя великой державой и объективные реалии страны третьего мира; б) «политика открытости» и принцип “абсолютного суверенитета”; в) “идеологическая чистота” и политический прагматизм; г) поведение в рамках двусторонних отношений. См.: *Wu Xinbo.* Four Contradictions Constraining China's Foreign Policy Behavior // *Chinese Foreign Policy. Pragmatism and Strategic Behavior.* New York, 2004. P. 58—65.
 7. См.: Шицзе чжуюо гоцзя цзунхэ голи пингу [Оценка комплексной государственной мощи мировых держав] // Цюаньцю чжаньлюэ дэ гэцзюй [Глобальная стратегическая архитектура. Международное окружение Китая в новом веке]. Пекин, 2000. С. 3; *Yan Xuetong.* The Rise of China and Its Power Status // *Chinese Journal of International Politics.* 2006. Vol. 1. P. 5—33.
 8. Китай совместно с 31 страной мира работает над созданием 14-ти зон свободной торговли, подписал 8 соглашений по вопросам свободной торговли, семь из которых уже реализованы. Данные соглашения охватывают 1/4 от общего объема товарооборота Китая по состоянию на 2008 г.
 9. Река Тумэньцзян, протекая через территорию Китая, России и КНДР, впадает в Японское море. Это самый близкий к Японскому морю водный путь в континентальную часть Китая. В начале 90-х годов ПРООН выдвинула предложение об инвестициях в течение 20 лет 30 млрд долл. США в создание многонациональной зоны технико-экономического развития в целях освоения бассейна этой реки на основе сотрудничества разных стран региона. В последние 10 с лишним лет между странами региона был подписан пакет документов и соглашений по сотрудничеству. В перспективе планируется сделать зону Чанчунь-Цилинь-Тумэньцзян новым источником роста экономики на северо-востоке страны.
 10. По итогам официального визита Председателя КНР в мае 2008 г. было принято “Китайско-японское совместное заявление о всестороннем развитии стратегических и взаимовыгодных отношений”.

11. Проблемами китайско-японских отношений серьезно занимаются ученые Института исследований Японии АОН КНР, такие специалисты как Гао Хун, Чжан Цзифэн, Ван Вэй, Цуй Синьгуан, Люй Яодуй и другие.
12. <http://russian.people.com.cn/31521/6890028.html#>.
13. По теме ООН Китай вряд ли готов лоббировать Японию по вопросу о ее членстве в СБ ООН, ограничивая свою поддержку готовностью вести диалог с Токио по вопросам реформирования ООН.
14. Юкио Хатояма еще в октябре 2009 г. ходе предвыборной кампании четко дал понять, что не будет участвовать в посещении храма Ясукуни, подчеркнув необходимость содействия духу “братства” в дипломатии, по историческим вопросам, он четко заявил, что правительство Демократической партии “будет смело смотреть в глаза истории” (Жэньминь жибао. 2009. 12 окт).
15. <http://www.itar-tass.com/>.
16. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: К 60-летию КНР. М., 2009. С. 329.
17. Жэньминь жибао. 2009. 12 окт.
18. Жэньминь жибао. 2009. 12 окт. (<http://russian.people.com.cn>).
19. Забровская Л.В. Китай и КНДР: курс на сохранение регионального статус-кво // ПДВ. № 6. 2009. С. 32.
20. См.: Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; Портяков В.Я. Российско-китайские отношения в 2008 г. // ПДВ. № 1. 2009. С. 6—19; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX — XXI веков. Владивосток, 2006; Александрова М.В. Российско-китайские приграничные экономические отношения. М., 2005; Лузянин С. Г. Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // 2-й российско-китайский Форум по общественным наукам... С. 330—356; Российско-китайское сотрудничество: региональное (сибирско-дальневосточное) измерение (сетевой проект, руководитель Лузянин С. Г.). — <http://www.ino-center.ru/russia-china/>; Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте. Политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
21. Концепция первого Байкальского экономического форума (БЭФ) в Иркутске по поручению российского руководства разрабатывалась ведущими учеными ИДВ РАН во главе с директором ИДВ М.Л.Титаренко.
22. <http://www.fcinfo.ru/themes/basic/materials-document.asp?folder=3001&matID=235437>.
23. Международное радио Китая (эксперты о зоне свободной торговли КНР — АСЕАН, 2010-01-04). — <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:eyask-ukzCoJ:big5.chinabroadcast.cn/gate/big5/russian.cri.cn/841/2010/01/04/1s320497.htm>.
24. См.: Declaration of the Conduct of the Parties in the South China Sea (<http://www.asean.org/13163.htm>); Joint Declaration of ASEAN and China on Cooperation in the Field of Nontraditional Security Issues (<http://www.asean.org/13185.htm>); Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China (<http://www.asean.org/13196.htm>). Memorandum of Understanding between the Association of Southeast Asian Nations Secretariat and the Ministry of Agriculture of the People's Republic of China (<http://www.asean.org/13214>). Instrument of Accession to the Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia (<http://www.asean.org/15271>). Joint Declaration of the Heads of State/Government of the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China on Strategic Partnership for Peace and Prosperity (<http://www.asean.org/15265>).
25. Золотарев П.С. Китай и Индия в глобальном балансе военных сил. — <http://www.rusus.ru/print.php?id=126>.

26. Подробнее см.: *Портяков В.Я., Уянаев С.В.* Растущий “треугольник” // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. (<http://www.globalaffairs.ru/numbers/35/10840.html>); Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. В 2-х т. М., 2004. Т.1 — 2; *Уянаев С.В.* Китай — Индия: отношения в начале нового столетия // ПДВ. 2009. № 1. 2009. С. 19—30.
27. http://www.china.org.cn/opinion/2010-03/28/content_19702391_2.htm.
28. http://www.china.org.cn/opinion/2010-03/28/content_19702391_2.htm.
29. <http://www.rondon.org/polit-091023105506>.
30. *Володин А.* Китай и Индия: совместное моделирование миросистемы XXI века. — <http://www.rondon.org/polit-080122122554>
31. *Силаев А.А.* Взаимоотношения между Пакистаном и Китаем — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/13-04-07b.htm>.
32. Там же.
33. *Замараева Н.А.* Пакистанский порт Гвадар — ключевой региональный перевалочный пункт. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/10-07-06.htm>.
34. Там же.
35. *Силаев А.А.* Взаимоотношения между Пакистаном и Китаем. — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/13-04-07b.htm>.
36. *Swanstrom N.* China and Central Asia: a new Great Game or traditional vassal relations? // *Journal of Contemporary China*. 2005. No.14 (November). P. 580; *Сюй Тункай.* Чжунго юй Чжунъя гоцзя... — С. 1; См. также: Вечерний Бишкек. 2005. 11 июля.
37. *Фроленков В.С.* Коллективное экономическое сотрудничество стран—членов ШОС: начальный этап становления // *Проблемы Дальнего Востока*. 2007. № 2. С. 93—94.
38. *Сюй Тункай.* Чжунго юй Уцзыбэкэсытань цзинмао цянъцзин гуанко [Широкие перспективы китайско-узбекистанского торгово-экономического сотрудничества] // *Элосы Чжунъя Дуноу шичан*. 2006. № 4. С. 2.
39. *Лу Гань.* Строительство зоны свободной торговли в рамках ШОС: значение в продвижении китайско-казахстанского сотрудничества // *Казахстанско-китайское сотрудничество: состояние и перспективы*. Алматы 2006 г. // <http://www.analitika.org/article.php?story=20070522000720900>.
40. Хайгуань тунцзы [Таможенная статистика]. Пекин. 2006. № 12.
41. *Фроленков В.С.* Экономический диалог “Китай-Центральная Азия” // *Китай в мировой и региональной политике*. М., 2006. Вып. 11. С. 192, 205—207.
42. *Фроленков В.С.* Современные торгово-экономические отношения...С. 83.
43. Там же.
44. *Brill O.M.* The Central Asian States: An Overview of Five Years of Independence. Testimony Before Senate Foreign Relations Committee // *Federal News Service*. 1997. 22 jul.
45. Там же.
46. *Верхотуров Д.* Китай оказывает поддержку Кыргызии. — www.asiainform.ru.
47. *Малышева Д.* Россия—Узбекистан: от партнерства к союзу. — <http://www.analitika.org/article.php?story=20051122035816975>.
48. *Дубовицкий В.* Таджикистан—Китай: От настороженного отношения к стратегическому партнерству. 25.01.2007. — <http://www.ferghana.ru/article.php?id=4862>.